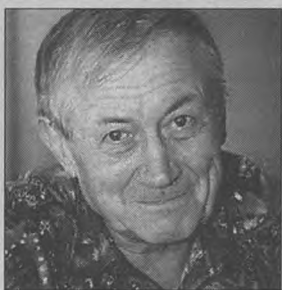

АНТОЛОГИЯ
ПОЭЗИИ XX ВЕКА«Я в этот мир пришел,
чтоб видеть солнце...»

ПРИСТРАСТИЯ

Евгений ЕВТУШЕНКО

По своей репутации полиглота, книгочея, меломана, знатока буквально всех жанров искусства и самых последних научных изысканий, путешественника, объездившего культуры и пейзажами, Бальмонт напоминал корабль, чьи трюмы набиты сокровищами, но который совершенно бескомпасен и не ведает, куда ему плыть, ибо главный пункт прибытия для него всегда он сам. Английская исследовательница русского символизма Аврил Пайман точно подметила: «Всякая новая дверь, которую он отворяет, ведет к зеркалу».

Бальмонт даже революционером ухитрился побыть и, разумеется, стал изгнанником, вернее, самоизгнанником, и осел, понятно, во Франции... На одном из честований вернувшегося в 1913 году по царской амнистии патриарха символизма Маяковский непросто появился на сцене с приветствием «от имени его врагов» и насмешливо прочел стихотворение блудного поэта: «Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды...» Бальмонт элегантно обезоружил его стихами о том, что у поэта не может быть врагов, ибо он выше вражды. У этих поэтов-антиподов была долгая и сложная история взаимоотношений, разделявшая их победами, но иногда сближавшая общими поражениями.

Когда в 44-м я приехал из Сибири в Москву, сборники Бальмонта в отличие от книг других эмигрантов беспрепятственно продавались у букинистов, но из всего, что подвернулось тогда под руку, мне понравилось только: «...Я на башню входил, и дрожали ступени, // И дрожали ступени под ногой у меня». Бальмонт уж слишком укачивал ритмом, аллитерациями и демонстративным отсутствием содержания: «Вечер. Взморье. Вздохи ветра. // Величавый возглас волн. // Близко буря. В берег бьется // Чуждый чарам черный челн». А порой он бросался в такие стр-р-

В. Серов. Константин БАЛЬМОНТ
1867 (деревня Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии) —
1942 (Нуази-ле-Гран, под Парижем)

о том, как один из слушателей в Политехе, желая подольститься к Маяковскому, напал на Бальмонта, но горлан-главарь прорычал: «Не трогайте Бальмонта!» — и с наслаждением прочел: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...», неожиданно прикрыв задетого поэта своей мощной фигурой специалиста по разговорам с вышеупомянутым светилом, интимные отношения с которым их с Бальмонтом объединяли.

Несмотря на разницу в возрасте и весовых поэтических категориях (тяжеловес

пятно, // Зловонье пороха и дыма, // В котором разуму темно». Дальше шла мрачно провидческая строфа: «Он трус, он чувствует с запинкой, // Но будет, час расплаты ждет. Кто начал царствовать Ходышкой, // Тот кончит, встав на эшафот».

Так и случилось. Но, конечно, Бальмонт не перепечатывал эти стихи после варварского уничтожения царской семьи. Он был деликатным, врожденно неспособным оскорбить никого, а тем более жертв беззакония. Тут между ним и Маяковским проходит нравственная граница, потому что одно из важнейших слагаемых роли поэта — призывать «милость к падшим», а Маяковский, зараженный «революционной непримиримостью», смирял в себе милосердие, становясь на горло не только песне, но и собственной жизни. Он пытался оправдать в революции слишком многое, что оправданию не подлежало, и поэтому в последний момент не смог оправдать себя самого, логически подвел себя к «точке пули». Бальмонт прошел искушение самоубийством еще в 23 года, прочитав ходившую в списках «Крейцерову сонату», впечатление от которой было усилено семейными раздорами. Выбросившись с третьего этажа, он чудом остался жив. Андрей Белый так иронически прокомментировал это: «Из окна сумел выскочить не из себя». С Маяковским тоже этого не произошло, как он и предсказал: «Дайте о ребра опереться. Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу! Рухнули. Не выскочишь из сердца!»

Эмиграция для Бальмонта, в отличие от тех писателей, кто ее все-таки выдержал, оказалась творческим самоубийством. Самоубийство Маяковского стало эмиграцией из той новой жизни, в которой ему, жи-

вому, не было места, он нужен был в ней только мертвый.

Когда в 1969 году наконец-то у нас выпустили однотомник Бальмонта в «Библиотеке поэта», я честно отстоял на Кузнецком Мосту часа три в очереди. Зато открыл неизвестные мне стихи, современнейшие гражданские, и уж не знаю, на все ли времена, но написанные как будто только-только обо всем, что мучает нас до сих пор. Я убедился, что Бальмонт, этот, казалось бы, жрец чистого искусства, чуть ли не боготворил такого вроде бы не совместимого с ним поэта, как Некрасов, и создал три не уступающих по силе ни ему, ни позднему Максиму Волошину гражданских шедевров: «В глухие дни», «Я с ужасом теперь читаю сказки...», «Дурной сон».

Почти забытый, умерший в нищете Константин Бальмонт, покоящийся на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, может быть, хотя бы под землей счастлив, что его стихи до сих пор читают в России. Но, думаю, если бы эти три лучших его стихотворения о трагической безысходности судеб России потеряли актуальность, он был бы еще счастливее.

Трагедия Маяковского была в том, что он пытался сам в себе преодолеть поэта. Трагедия Бальмонта в том, что он слишком пытался быть только поэтом.

Одно время, после насильственной канонизации при Сталине, чуть ли не все стихи Маяковского казались бессмертными, а потом многие из них начали разваливаться вместе с Советским Союзом и коммунистической идеологией. Но вот дореволюционный, великий том Маяковского все равно возвышается, как величественный небоскреб над разрушившимися временками. А с Бальмонтом случилось нечто наоборот: одно время казалось, что все стихи его умерли, и это действительно случилось со многими из них. Но, во всяком случае, несколько (необязательно самые знаменитые при жизни поэта) выжили и, может быть, окажутся бессмертными, хотя в «навсегда» заранее заглянуть невозможно.

● Избалованный звукоигрунчик,
меч не раз переползший Тристан,
сколько дамских пленительных ручек,
как эксперт, прижимал он к устам.

Жил он в столь соблазнительном риске
вообще не писать ничего.
Его тискали так бальмонтистки,
что могли задушить бы его.

Был начитанный он, а не мудрый,
был русак, древний инка и галл,
а к тому же такой рыжекудрый,
что в курсистках пожар зажигал.

Он пьянел, так по-детски бушуя,
и заносчиво был неказист.
В нем жила его тихая Шуя,
незадачливый жил гимназист.

Было самым великим секретом,
но понятным до боли ему,
что он не был великим поэтом,
и надменным он был потому.

Он слагал пролетариям гимны,
веря в светлое царство труда,
но к поэтам не будет взаимна
революция никогда.

Потому что и в нашей России,
и в каком-нибудь Тимбукту
никакое не сможет насилье
от души полюбить красоту.

Трагедия Бальмонта в том, что он
слишком пытался быть только поэтом

асти, что им никакушеньки не верилось: «Я буду лобзать в забытии, // В безумстве кошмарного пира, // Румяные губы твои, // Кровавые губы вампира!»

Я тоже тогда сочинял такие же выдуманные стихи таким же красивущим стилем: «Я от печали уезжал // В пустынные места, // Я столько женщин целовал // В усталые уста» (15 лет), «Я не сломал о скалы зубы, // Я разгрызал их всё равно, // Я пригублял такие губы, // Как гефсиманское вино!» (16 лет). «Чем я сам не Бальмонт!» — упоенно думал я. А на деле я всегда любил в поэзии только то, чего сам не умел. И поэтому по сию пору у меня на тумбочке лежит никакой не Бальмонт, а Пастернак и, представьте, не Маяковский, хотя, чтобы написать свое «Облако в штанах», у меня кишка тонка. В этой поэме Владимир Владимич для меня облако за облаками! В мою подростковую душу запал рассказ

Маяковский и в весе пера Бальмонт), их роднило нечто гораздо большее, чем любовь к северному Амон-Ра. Одно время оба поэта зачитывались нелегальными книжками, ходили в революционные кружки, распространяли прокламации, оба немощно посидели в Бутырках, чем весьма гордились. Среди интеллигентных людей тогда это было модно. Бальмонт, правда, никогда не вступал ни в какую партию в отличие от Маяковского, но зато пытался пойти еще дальше, предложив себя для добровольного самопожертвования в теракте народолюбивской организации. К счастью, революционного доверия ему не оказали. Маяковский объявил себя богоборцем: «Я думал ты всесильный божище, // а ты недоучка, крохотный божище», а Бальмонт себя царьборцем: «Наш царь Мукден, // Наш царь Цусима, // Наш царь кровавое

Бальмонт Крестовский

23.03.06